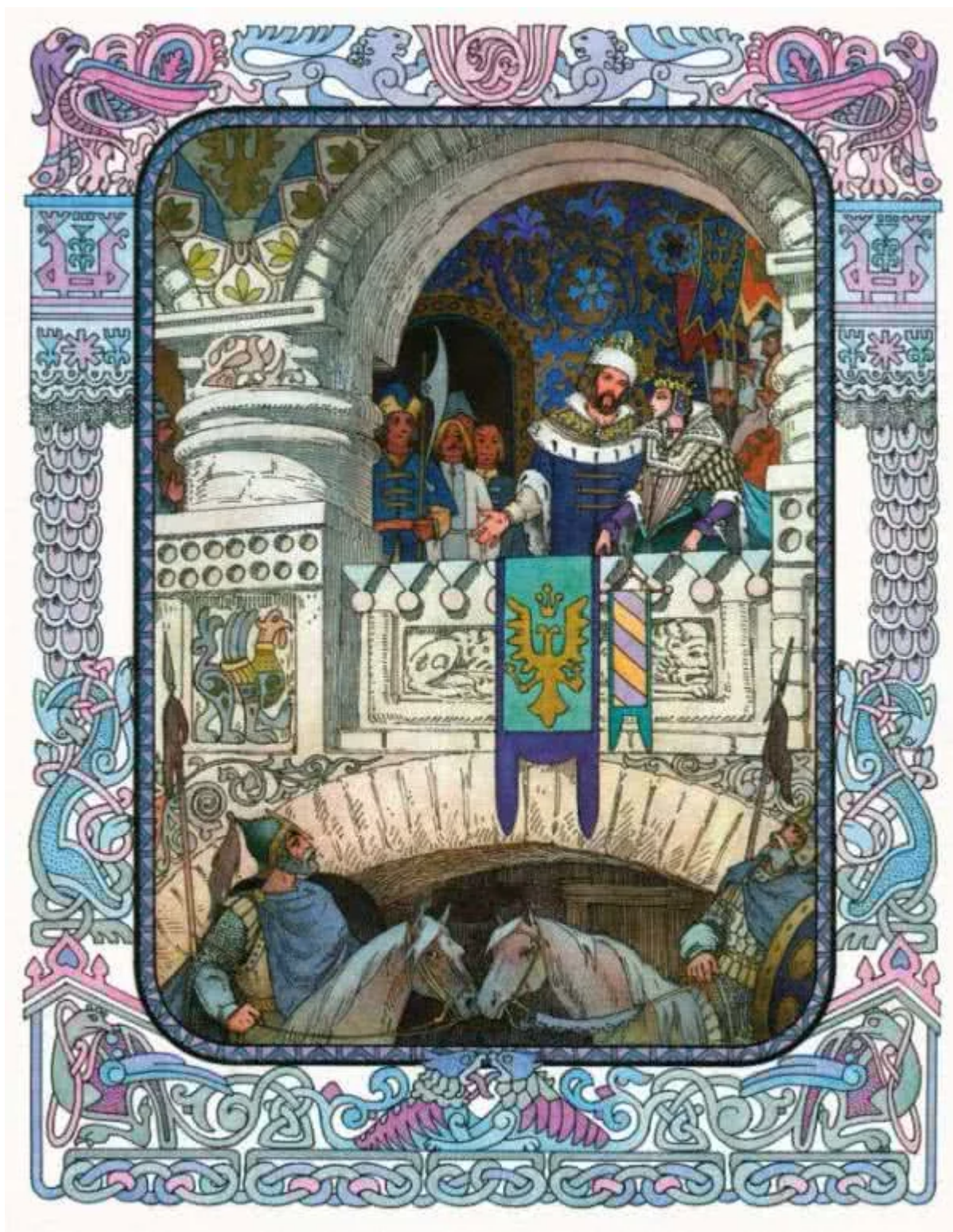

*Сказка о мертвой царевне и о семи
богатырях*

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждёт-пождёт с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись, гляючи
С белой зори до ночи.
Не видать милого друга!
Только видит: вьётся вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белёшенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог даёт царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издалеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелёшенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.
Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошёл, как сон пустой,
Царь женился на другой.

Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано

Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.

С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И, красуясь, говорила:

"Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?"
И ей зеркальце в ответ:
"Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее".
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищёлкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.
Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась - и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.

Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.
На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь
Перед зеркальцем своим,

Перемолвилася с ним:

"Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?"

Что же зеркальце в ответ?

"Ты прекрасна, спору нет;
Но царица всех милее,
Всех румяней и белее".

Как царица отпрыгнёт,
Да как ручку замахнёт,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..

"Ах ты, мерзкое стекло!
Это врёшь ты мне назло.

Как тягаться ей со мною?

Я в ней дурь-то успокою.

Вишь какая подросла!

И не диво, что бела:

Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!

Но скажи: как можно ей
Быть во всём меня милей?

Признавайся: всех я краше.

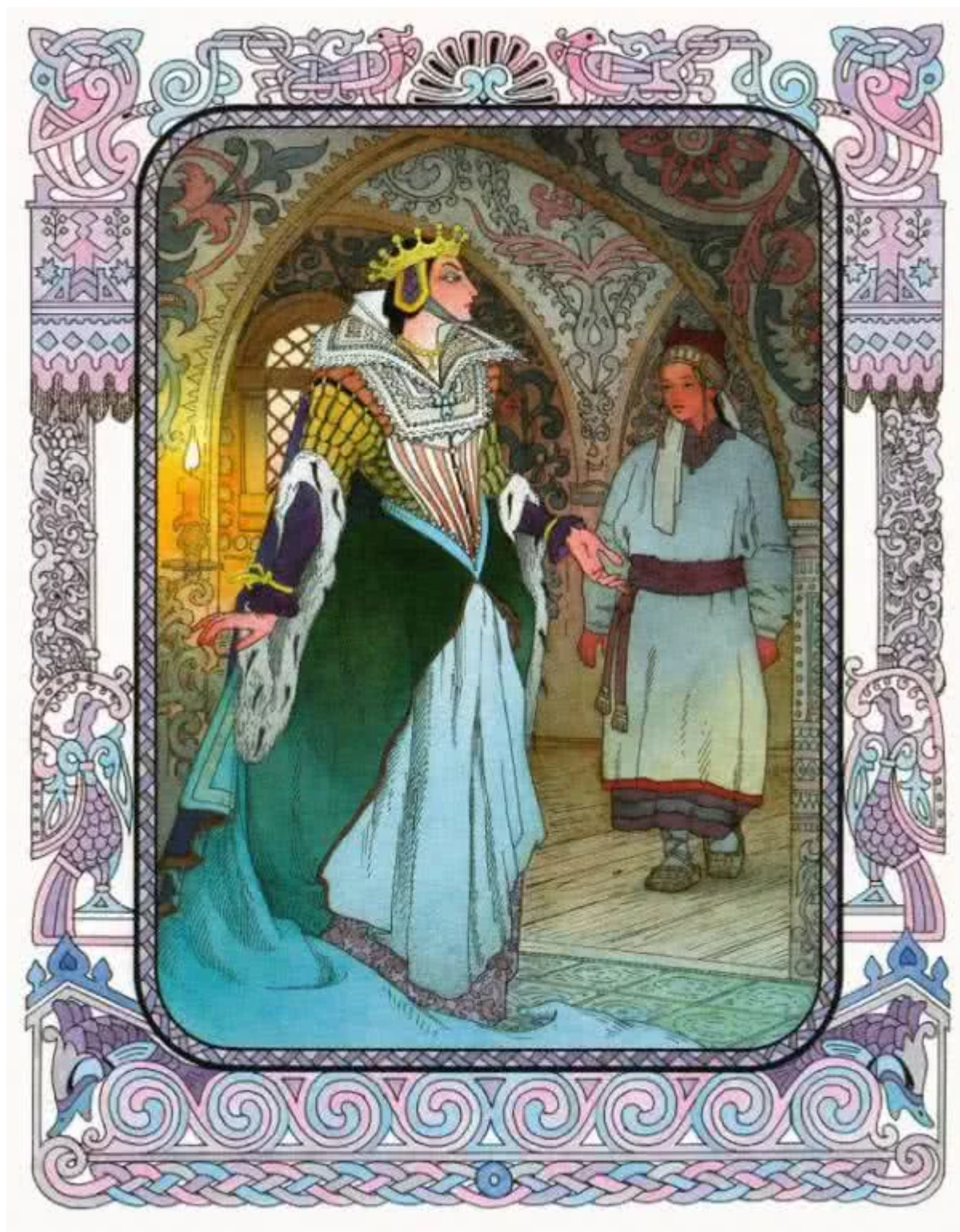
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.

Так ли?" Зеркальце в ответ:

"А царица всё ж милее,
Всё ж румяней и белее".

Делать нечего. Она,
Чёрной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей,

Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав её, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Черт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной

Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась
И до смерти испугалась
И взмолилась: "Жизнь моя!
В чём, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя".
Та, в душе её любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
"Не кручинься, бог с тобой".
А сама пришла домой.

"Что? - сказала ей царица. -

Где красавица девица?" -

"Там, в лесу, стоит одна, -

Отвечает ей она. -

Крепко связаны ей локти;

Попадётся зверю в когти,

Меньше будет ей терпеть,

Легче будет умереть".

И молва трезвонить стала:

Дочка царская пропала!

Тужит бедный царь по ней.

Королевич Елисей,

Помолясь усердно богу,

Отправляется в дорогу

За красавицей душой,

За невестой молодой.

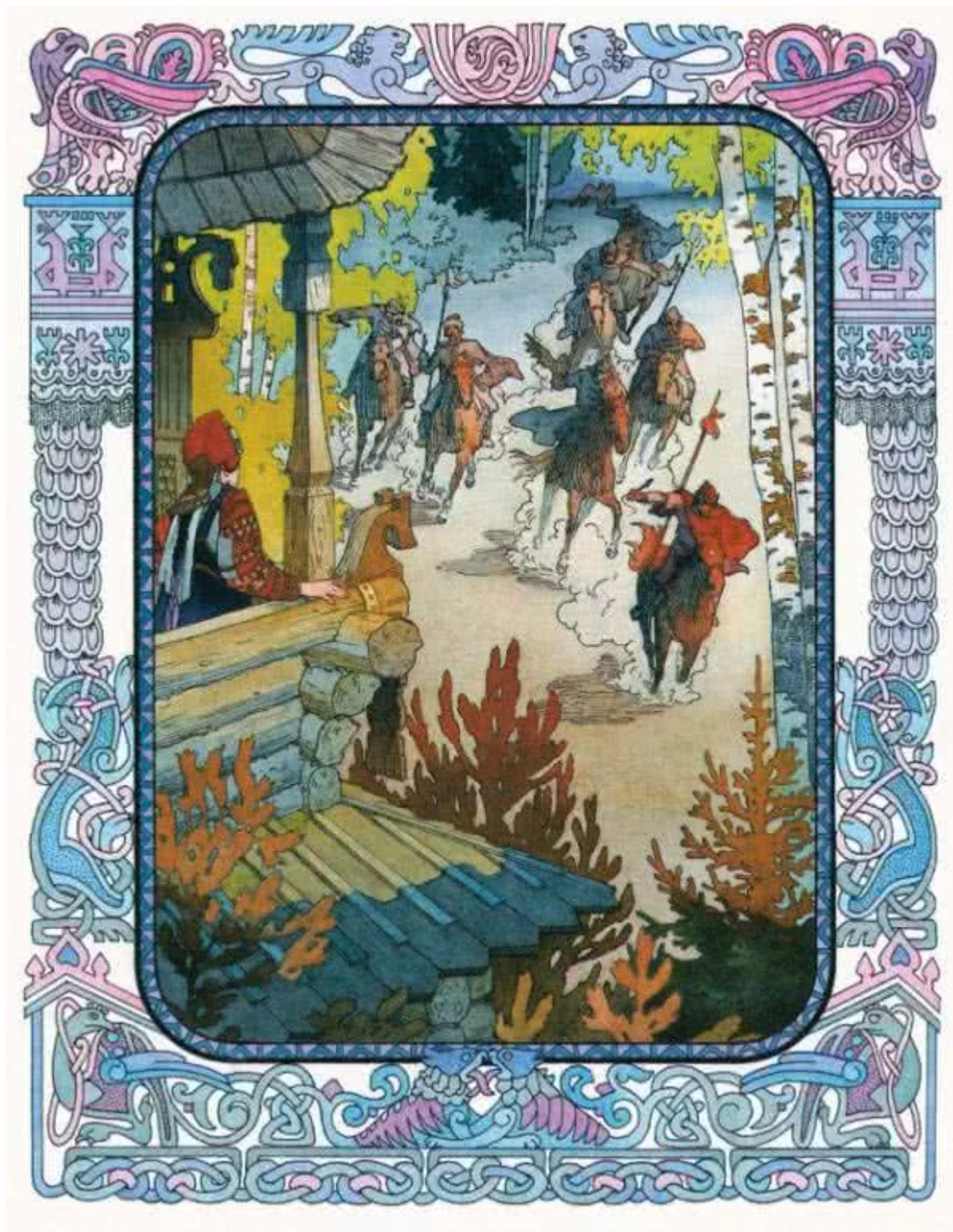
Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей навстречу пёс, залая,
Прибежал и смолк, играя.
В ворота вошла она,

На подворье тишина.

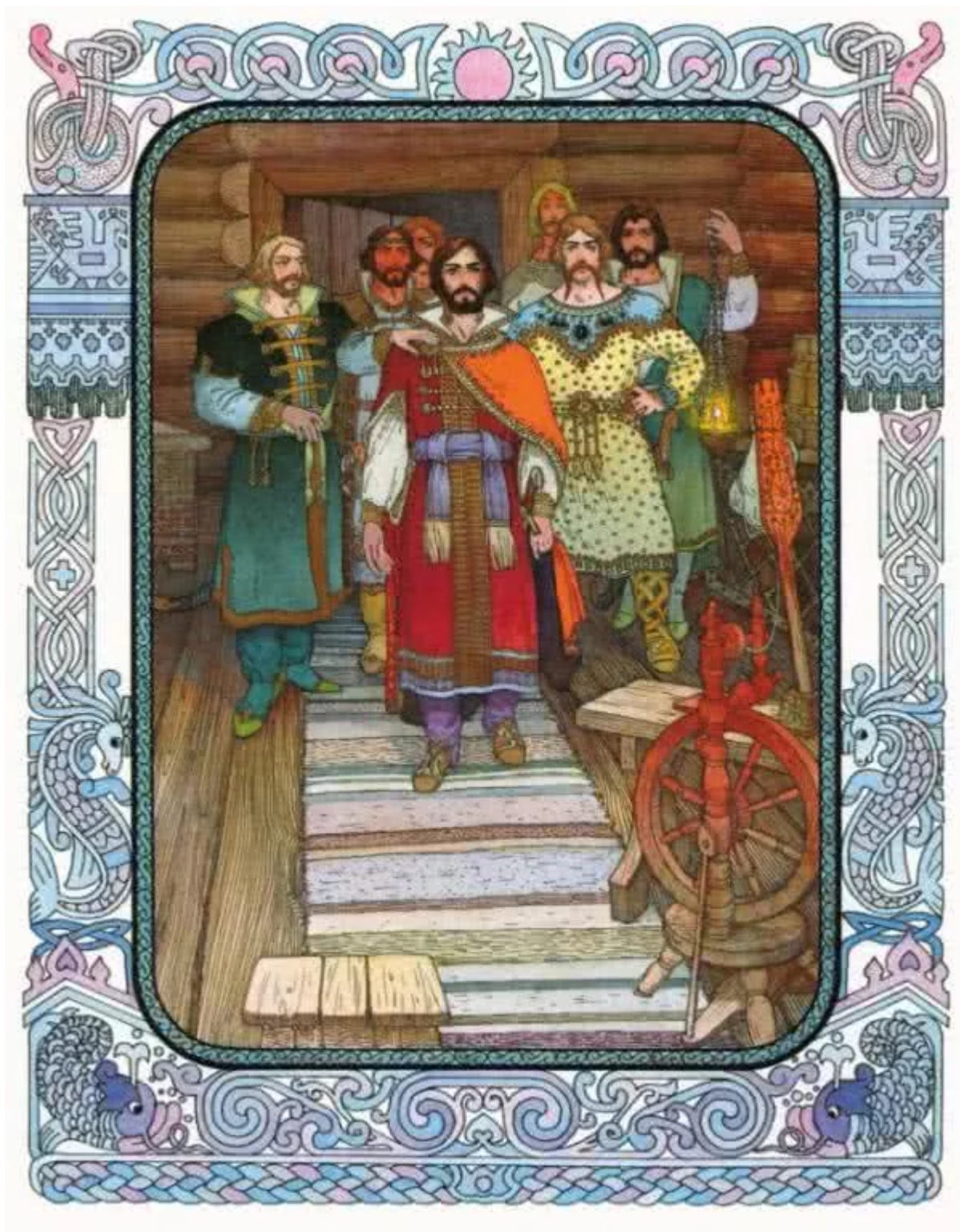
*Пёс бежит за ней, ласкаясь,
А царица, подбираясь,
Поднялась на крыльцо
И взялась за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царица очутилась*

В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно! -
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: "Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал

Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица".

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те опознали,

Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок;
Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зелёного вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломил
Да кусочек прикусила
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх, во светлую светлицу,
И оставили одну
Отходящую ко сну.
День за днём идёт, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу; не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарёю
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяйюшкой она
В терему меж тем одна

Приберёт и приготовит.

Им она не прекословит,

Не перечат ей они.

Так идут за днями дни.

Братья милую девицу

Полюбили. К ней в светлицу

Раз, лишь только рассвело,

Всех их семеро вошло.

Старший молвил ей: "Девница,

Знаешь: всем ты нам сестрица,

Всех нас семеро, тебя

Все мы любим, за себя

Взять тебя мы все бы ради,

Да нельзя, так, бога ради,

Помири нас как-нибудь:

Одному женою будь,

Прочим ласковой сестрою.

Что ж качаешь головою?

Аль отказываешь нам?

Аль товар не по купцам?"

"Ой, вы, молодцы честные,

Братцы вы мои родные, -

Им царевна говорит, -

Коли лгу, пусть бог велит

Не сойти живой мне с места.

Как мне быть? ведь я невеста.

Для меня вы все равны,

Все удалы, все умны,

Всех я вас люблю сердечно;

Но другому я навечно

Отдана. Мне всех милей

Королевич Елисей".

Братья молча постояли

Да в затылке почесали.

"Спрос не грех. Прости ты нас, -

Старший молвил поклонясь. -

Коли так, не заикнуса

Уж о том". - "Я не сержуся, -

Тихо молвила она, -

И отказ мой не вина".

Женихи ей поклонились,

Потихоньку удалились,

И согласно все опять

Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,

Про царевну вспоминая,

Не могла простить её,

А на зеркальце своё

Долго дулась и сердилась:

Наконец об нём хватилась

И пошла за ним, и, сев

Перед ним, забыла гнев,

Красоваться снова стала

И с улыбкою сказала:

"Здравствуй, зеркальце! скажи,

Да всю правду доложи:

Я ль на свете всех милее,

Всех румяней и белее?"

И ей зеркальце в ответ:

"Ты прекрасна, спору нет;

Но живёт без всякой славы,

Средь зелёных дубравы,

У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей".
И царица налетела
На Чернавку: "Как ты смела
Обмануть меня? и в чём!.."

Та призналася во всём:
Так и так. Царица злая,

Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.

Вдруг сердито под крыльцом
Пёс залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. "Постой.
Бабушка, постой немножко, -
Ей кричит она в окошко, -
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу".
Отвечает ей черница:
"Ох ты, дитяtko девица!
Пёс проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!
Выдь ко мне". - Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пёс ей под ноги - и лает
И к старухе не пускает;
Лишь пойдёт старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. Что за чудо?
"Видно, выспался он худо, -
Ей царевна говорит. -
На ж, лови!" - и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
"Благодарствую, - сказала, -
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!"
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит...

Пёс как прыгнет, завизжит...

Но царевна в обе руки

Хватъ - поймала. "Ради скуки

Кушай яблочко, мой свет.

Благодарствуй за обед..." -

Старушечка сказала,

Поклонилась и пропала...

И с царевной на крыльцо

Пёс бежит и ей в лицо

Жалко смотрит, грозно воеет,

Словно сердце пёсье ноет,

Словно хочет ей сказать:

Брось! - Она его ласкать,

Треплет нежною рукою:

"Что, Соколко, что с тобою?

Ляг!" - и в комнату вошла,

Дверь тихонько заперла,

Под окно за пряжу села

Ждать хозяев, а глядела

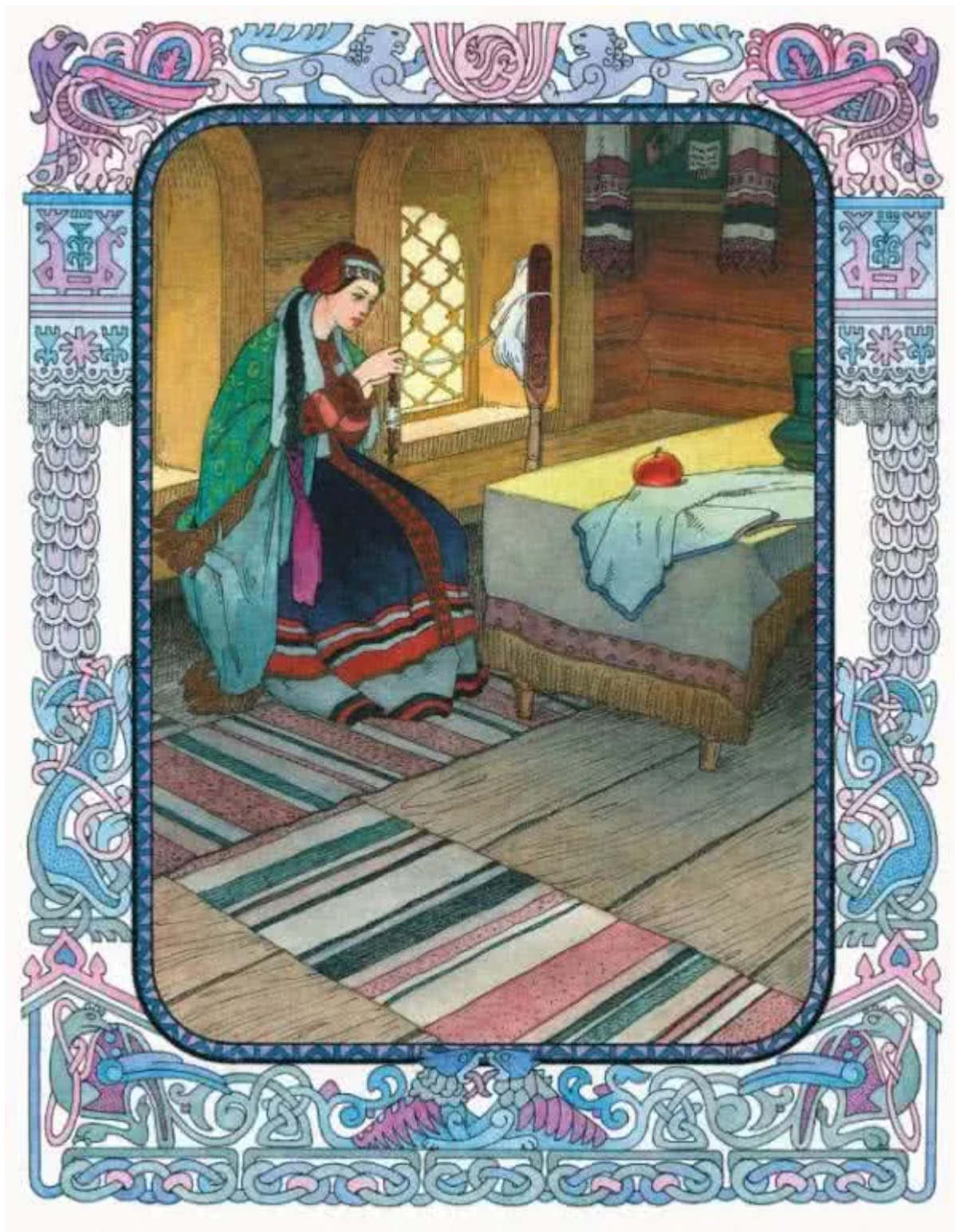
Всё на яблоко. Оно

Соку спелого полно,

Так свежо и так душисто,

Так румяно-золотисто,

Будто мёдом налилось!

Видны семечки насквозь...

Подождать она хотела

До обеда; не стерпела,

В руки яблочко взяла,

К алым губкам поднесла,

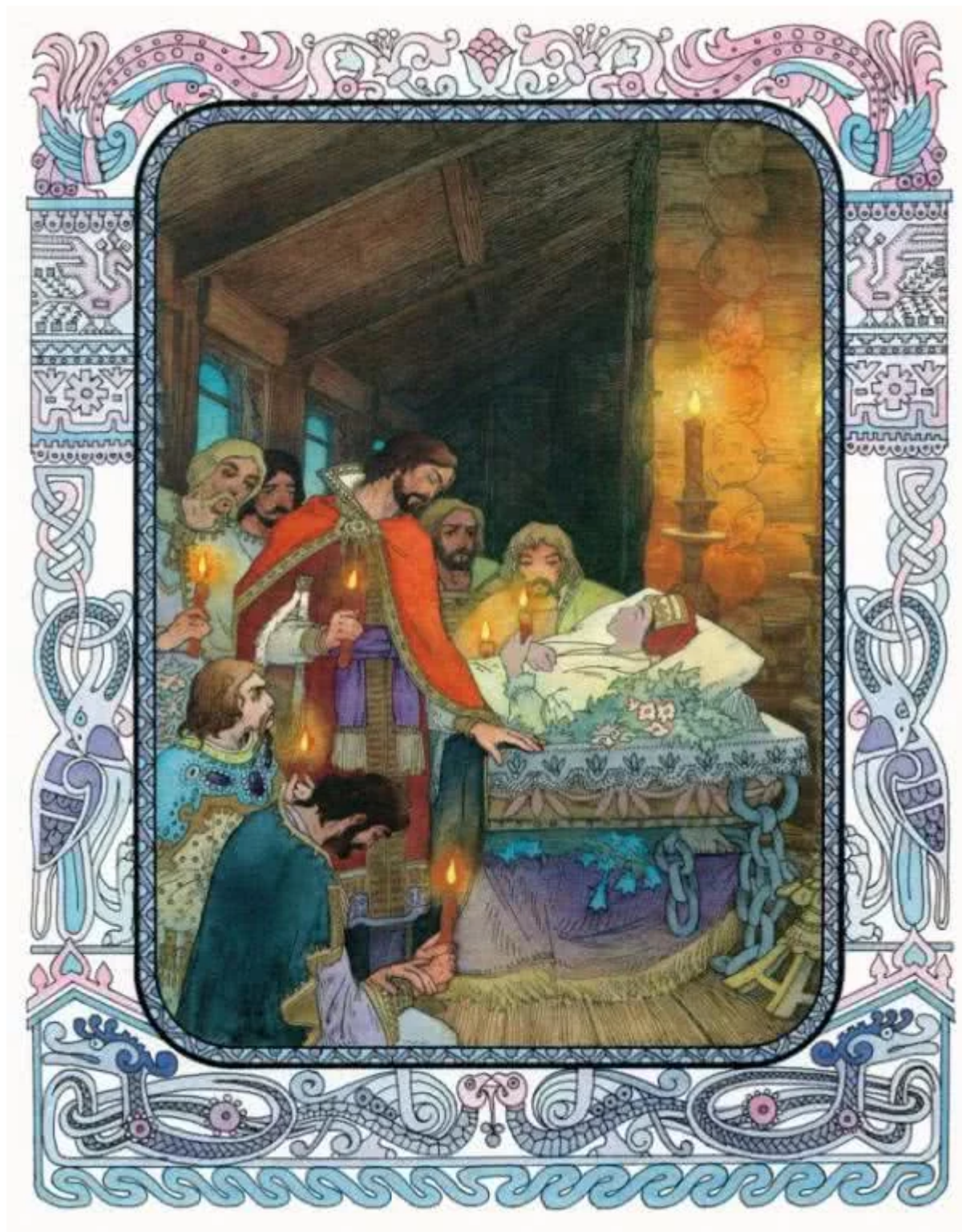
Потихоньку прокусила

И кусочек проглотила...

Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя.
Им навстречу, грозно воя,
Пёс бежит и ко двору
Путь им кажет. "Не к добру! -
Братья молвили, - печали
Не минует". Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав,
Пёс на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.
Перед мёртвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить её хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,

Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.

Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царицы молодой
Положили - и толпой

Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб её к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решёткой оградили;
И, пред мёртвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: "Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима -
Не досталась никому,
Только гробу одному".
В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
"Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?"
И услышала в ответ:
"Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее".
За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,

Всем вопрос его мудрён;
Кто в глаза ему смеётся,
Кто скорее отвернётся;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец:

"Свет наш солнышко! Ты ходишь
Круглый год по небу,водишь

Зиму с тёплой весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царицы молодой?
Я жених ей". - "Свет ты мой, -
Красно солнце отвечало, -
Я царицы не видало.
Знать, её в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь её да встретил
Или след её заметил".
Тёмной ночью Елисей
Дождлся в тоске своей.

Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
"Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаёшь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя,

Звёзды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей". - "Братец мой, -
Отвечает месяц ясный, -
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна, видно,
Пробежала". - "Как обидно!" -
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
"Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай".

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
"Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,

Кроме бога одного.

Аль откажешь мне в ответе?

Не видал ли где на свете

Ты царевны молодой?

Я жених её". - "Постой, -

Отвечает ветер буйный, -

Там за речкой тихоструйной

Есть высокая гора,

В ней глубокая нора;

В той норе, во тьме печальной,

Гроб качается хрустальный

На цепях между столбов.

Не видать ничьих следов

Вкруг того пустого места;

В том гробу твоя невеста".

Ветер дале побежал.

Королевич зарыдал

И пошёл к пустому месту,

На прекрасную невесту

Посмотреть ещё хоть раз.

Вот идёт, и поднялась

Перед ним гора крутая;

Вкруг неё страна пустая;

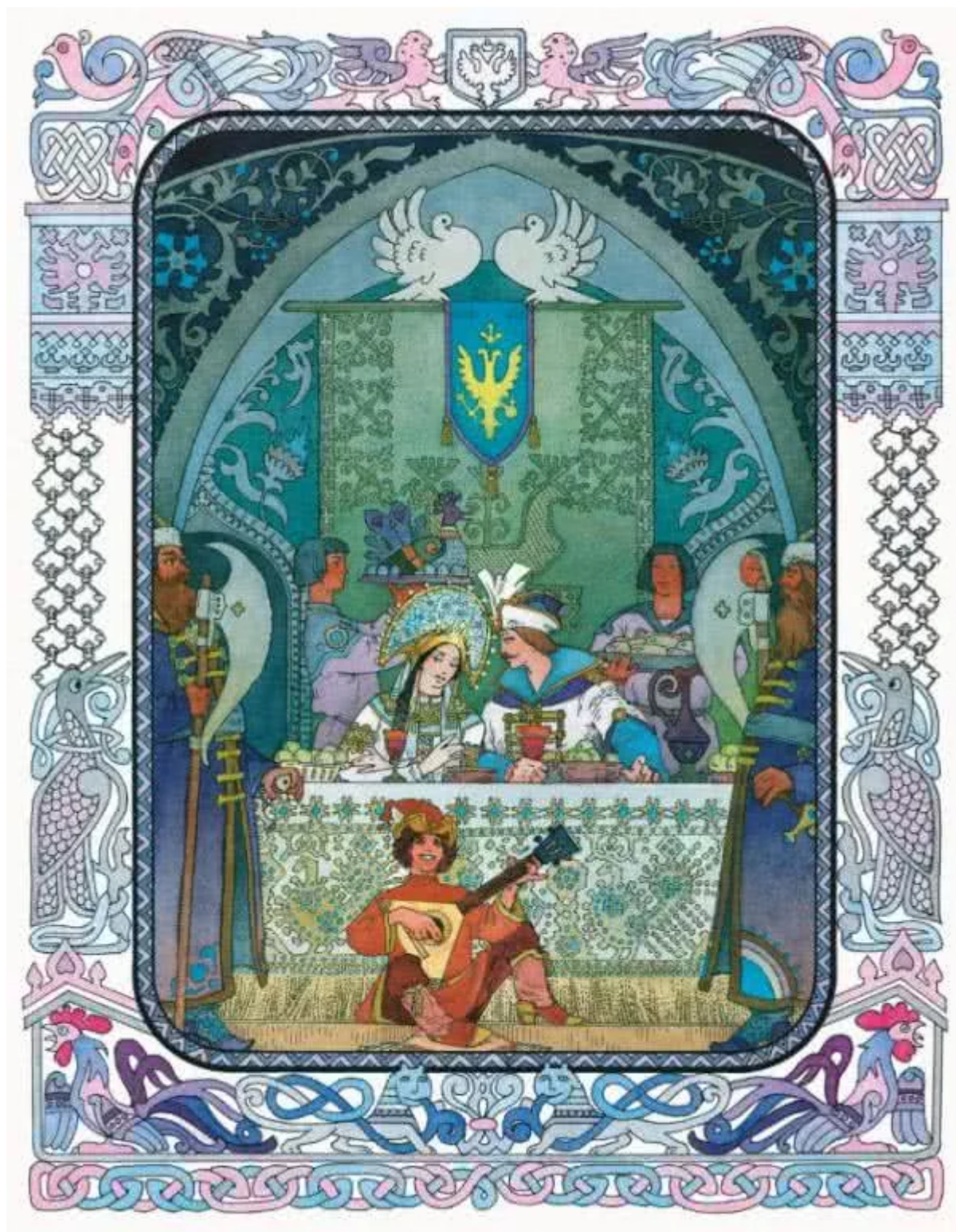
Под горою тёмный вход.

Он туда скорей идёт.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.

Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумлёнными глазами;
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
"Как же долго я спала!"
И встаёт она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он её берёт
И на свет из тьмы несёт,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!
Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: "Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?"
И услышала в ответ:
"Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее".
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут её тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь её похоронили,

Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мёд, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

(Иллюстрации. В.Назарук)

Сказки на <https://fairytales.site/>